

ЖАН БАХЫТ НОВЫЕ СТИХИ

Тасбих

Перебирая чётки лет,
По памяти перебирая,
Года и даты извлекая,
Глубинный проступает свет
И – брезжит, в тайну облакая.

Судьбы невидимая нить
По времени в пространстве ниже,
Нам суждено на свете быть
И чётки памяти хранить,
Себя из прошлых лет я вижу.

Перебирая чётки лет,
По памяти перебирая,
Я не ищу для них ответ,
Я знаю, что ответа нет,
По узелкам в судьбу вникая.

В ней не рассыпались года
И даты уходящей жизни,
В ней всё хранимо навсегда,
Что ей под током провода
И даже ритуал от тризны?!

Суровой нитью бытия,
Суровая она отчасти,
От холода и до огня,
До Судного, быть может, дня,
Да, этой нитью я причастен.

Alter ego*

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг – а иной.

Владислав Ходасевич

Этот возраст невозврата
Каждым часом дорог мне.
В этой жизни небогатой
Всем доволен я вполне.

Остаётся только верить,
Остаётся только знать:

Кто за мной закроет двери,
Тот и будет провожать.

Поведёт дорожкой лунной
По течению реки.
И небесной далью струны
Вздогнут в такт моей строки.

Остаётся только помнить
И с надеждой молча ждать,
Что заверит путь мой скромный
Лунным оттиском печать.

Только память остаётся,
С памятью наедине
Место каждому найдётся,
Каждому из нас придётся
Завершить круг в тишине.

Этот мир,
Что остаётся,
Вмиг замрёт
И вновь очнётся.
И не (без нас)
Перевернётся
В неизвестной стороне.

* Alter ego – второе я.

Горожане

Мы росли, как трава во дворе
И дворянского прочего сбора.
Дар по яблоку нам в сентябре
И по пятницам в календаре,
По прописке мы ждали повтора,
Но судьба вышла вне приговора.

И квартала массивная дверь
Отпускала со скрипом на волю.
Ты по ней свои жизни проверь,
Вспомни всё, и всё это доверь
На свою непрожитую долю.

И тобою надкусанный плод
Поведёт за собой вдоль арыка.
Нашей памяти зёрна вернёт
К тем садам, где мой город встаёт
С перебором годов по тасбику.

Календарь Олжаса

Сверял я жизнь календарём.
Свой календарь веду с Абая.
Затем был Пушкин с январём,
Мухтар Ауэзов и Сатпаев.

Издан был, я помню – знаю,
В мире в столетний юбилей
Димаш Ахмедович Кунаев,
Во имя Родины своей.

Вот календарь, а в нём Олжас,
Учитель мой неукротимый.
Я с Патриархом каждый раз
Сверяю собственное имя.

Моя счастливая душа
Предстала вдруг душою счастья
И трижды этим хороша
В календарях от соучастья.

Всё это вышло в форме книг,
Страницы – дни, ляссе меж ними,
И каждый день, как жизни миг,
Сознания миг неповторимый.

Не знаю, что грядущий год
Нам принесёт, но точно знаю:
Закон Осириса войдёт
В мой календарь, где жив народ.

С Олжасом, так из года в год,
Не вглубь веков – наоборот,
Девяностолетие грядёт...
За это кубок поднимаю!

Иллюзион

Сергею Азимову

Жизнь моя, кинематограф...

Юрий Левитанский

За волной плывёт волна
От прилива до отлива.
Уходящая, она
Гребни выгнет из залива.

У кофейни старики
В южном городке у моря
В помыслах земных легки,
В этих думах далеки,
Мудро ни о чём не споря.

По ночам неторопливо
Снится эта сторона,
Светлой памяти полна,
Потому и молчалива.

Раскрывает свой рояль
Там тапёр в кинематограф,
Нотками с немим восторгом,
Заключительным аккордом
В клубе,
Рядом с военторгом,
Вновь выносит нам печаль
Через вековую даль.

Знать, ключом заведено,
Крутится веретено.
Нарды, карты, домино,
Сладок дым табачный.

Я сквозь сон взглянул в окно,
Было это так давно,
Как вчерашнее кино
В день позавчерашний.

Там, где надпись «Синема»,
Кина нету без фильма.
И бобины круг за кругом
Возвращают в круг опять.
Стрёкот пленки на округу,
Титры с надписями – ять.

Уплывают корабли
С пирса и с причала,
У неведомой земли
Всё начать сначала.

За волной волна плывет,
Берег в дымке тает...
Может, всё наоборот,
Просто там кино идёт,
Да никто не знает.

На обочине

На обочине стою,
Мимо жизни настоящей,
Где-то с краю, на краю
В переход переходящий.

Не найти поводыря,
Соучастника по жизни.
Сгинул он с календаря,
Без налёта укоризны.

На скамейке у кафе
Выпью с кем-нибудь, быть может,
И по найденной строфе
Этот путь мы подытожим.

Воробей, незаменим,
Подлетел к ногам моим,
Чиркнул-чирк, как в зажигалке.
Чай, дымящийся в пиалке,
В этот час необходим.

По годам мы старше «Старки»,
Перекурим после чарки,
Посидим и помолчим,
И – всё это сохраним.

Вот и ластится дворняга,
Вислоухий доходяга,
Пёс бездомный, озорной,
Тянется и он за мной.

Я со псиной попрощаюсь,
В этом, может быть, покаюсь,
Что нас ждёт, увы, не знаю,
А в глазах тоска такая,
До ушей тоска сплошная.

На углу со мной стоит,
С грустью преданно глядит,
Встречу в памяти хранит.
И – поэтому молчит.

Нам обочина родная,
Молчалива, не чужая.
Расстаёмся мы одни
На вечерние огни.

На обочине стою,
Мимо проходящей жизни.

И с ладони воробью
Зёрна прошлых лет даю,
И кормлю, и говорю,
Что за всё благодарю
Сквозь стихи моей харизмы.

Арбакеш

(отчасти ироничное)

Увидел себя на Арбате,
Здесь где-то студентом бродил,
Но это всё было когда-то,
А ныне билбордом объятый
Почти у небесных стропил.

Объехал, быть может, полмира,
Имею немало наград,
Но тайной влекомая Лира
Выводит меня на Арбат,
Как будто бы я – виноват.
(Ах, Арбат, мой Арбат...)

Мне в образ войти Арбакеша
Вновь вторят колёса арбы.
Иду я тропой судьбы,
Странно, что странствую пешим
С Ордынки моей ворожбы.

Иноходец

(Мой образ Кулагера)

Бигельды Габдуллину

Я – иноходец,
Вне строя иду,
Мешает мне чей-то затылок,
Быть может, однажды с тропы я сойду,
Споткнувшись о камень,
Я упаду,
На радость злорадных ухмылок.

Я – иноходец,
Мне чистый ручей,
Увы, не найти в этой жизни.
Не надо пустых,
Громогласных речей,
Прошу вас, не надо
В час тризны.

Там месяц двурогий
Укажет мне путь.
В ущелье не до привала.
И звёзды помогут
Всей грудью вздохнуть,
Там,
За седьмым перевалом.

Я – иноходец,
Иду не как все.
В народе своём
Иноходец.
Сгорает звезда,
Степь в солёной росе.
И всё-таки
Я – иноходец!

По жизни я вновь
Иноходью иду,
По жизни я вновь
Вымеряю ходьбу.
Мой вымер косяк,
Не кляню я судьбу
Вне строя, вне строя
Вновь будет мне шаг,
Иду я тропой исхода.
Временем выверен,
Вымерен знак
Из племени
Знатного рода.

* * *

Вы, братья и сёстры по возрасту,
Живите в миру по всему,
Храню вас по тихому голосу
И с вечной любовью по совести,
По самому светлому образу
Свет ближних от дальних приму.
Бредущего мимо прохожего
С небесным спасителем схожего
Случайно по взгляду пойму.

На Арбате Русский ПЕН-центр выставил билборды лауреатов Международной литературной премии имени Фазили Искандера. Там и увидел себя сквозь время, сквозь расстояния (2025 год).

МОСКВА, 1 мая 2025 г. – ИА Караван Инфо. На московском Арбате проходит уникальная выставка, посвященная жизни и творчеству поэтов из разных стран. Экспозиция, организованная как диалог культур, рассказывает о судьбах мастеров слова, чьи произведения стали мостом между народами. Одним из героев проекта стал казахский поэт, переводчик и философ Бахытжан Канапьянов.

Бахытжан Канапьянов, родившийся в 1951 году в Казахстане, представлен как символ культурного синтеза. Окончив Литературный институт имени Горького в Москве, он посвятил себя не только поэзии, но и переводам мировой классики. В его творческом багаже – интерпретации стихов Пушкина, Есенина, Бродского, Гёте и Рильке, а собственные произведения, пронизанные образами степей и философскими размышлениями, переведены на десятки языков. Выставка подчеркивает его роль в популяризации казахской литературы за рубежом.